

Астрид Линдгрен

Рони,

гоцъ разбойника

M. Machaon

Астрид Линдгрен
Рони, дочь разбойника

«Азбука-Аттикус»

1982

Линдгрен А.

Рони, дочь разбойника / А. Линдгрен — «Азбука-Аттикус», 1982

ISBN 978-5-389-09023-1

Повесть-сказка Астрид Линдгрен про девочку Рони, дочь самого могучего разбойничьего атамана всех лесов и гор, и про неведомый мир, в котором все необычно, таинственно и странно. А еще она о приключениях, дружбе и любви.

ISBN 978-5-389-09023-1

© Линдгрен А., 1982

© Азбука-Аттикус, 1982

Содержание

1	8
2	17
3	26
4	34
5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Астрид Линдгрэн

Рони, дочь разбойника

ASTRID LINDGREN

Ronja Rövardotter

1981

First published in 1981 by Rabén & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com.

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se

© Text: Astrid Lindgren, 1981 / The Astrid Lindgren Company

© Лунгина Л.З., наследники, перевод на русский язык, 2018

© Петелина И.А., иллюстрации, 2018

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Machaon®

* * *

1

В ту ночь, когда Рони должна была появиться на свет, грохотал гром. Да, гроза так разошлась в ту ночь над горами, что вся нечисть, обитавшая в разбойничьем лесу, забилась со страху в норки да ямки, в пещеры да щели, и только злющие друды, для которых гроза была слаще меда, с визгом и воплями носились над разбойничьим замком, стоящим на разбойничьей горе. А Ловиса готовилась родить ребенка, крики друд ей мешали, и она сказала мужу своему Маттису:

– Прогони-ка этих злющих друд, из-за них я не слышу, что пою.

Дело в том, что, ожидая малютку, Ловиса пела. Она думала, что и ей будет легче, и у ребеночка нрав будет повеселей, если он родится под ее пение.

Маттис тут же схватил лук и пустил несколько стрел из бойницы.

– Прочь отсюда! – закричал он. – Мы ждем ребенка! Понятно вам, гнусные рожи!

– Хохо-хо! – завопили в ответ друды. – Они ждут ребенка! Этой ночью!.. Хо-хохо! Грозовой ребенок!.. Вот урод-то будет! Хо-хохо! Как гриб поганка!

Тогда Маттис снова стрельнул в самую гущу дикой стаи, но друды лишь злобно расхохотались и, улетаая, с громким воем пронесли над верхушками деревьев.

Пока Ловиса пела, рожая ребенка, а Маттис отгонял мерзких тварей от замка, его разбойники, все двенадцать, сидели в замке у огня и пили, и ели, и галдели как полоумные, не хуже этих злющих друд. А что же было им делать, ведь они ждали, когда наконец разрешится Ловиса там, наверху, в башне. Потому что за всю их разбойничью жизнь еще ни разу не рождался ребенок в разбойничьем замке. Но больше всех ждал появления младенца Лысый Пер.

– Ну когда же наконец появится этот маленький разбойник! – восклицал он. – Я уже стар и немощен, моя разбойничья жизнь подходит к концу. А как бы я хотел увидеть нашего нового атамана, перед тем как сыграю в ящик!

Не успел Лысый Пер это сказать, как распахнулись двери и в зал влетел обезумевший от радости Маттис. Он скакал, стуча каблуками по каменному полу, и орал во весь голос:

– У меня ребенок!.. Эй, слышите все, у меня родился ребенок!..

– Мальчишка или девчонка? – спросил из своего угла Лысый Пер.

– Счастье мое!.. Радость моя!.. – вопил Маттис. – Вот она!.. Дочь разбойника!

И Ловиса, переступив через высокий порог, вошла в зал с малюткой на руках. Разбойники разом замолкли.

– Эй, вы, пивом, что ли, захлебнулись? – заорал на них Маттис.

Он взял девочку из рук Ловисы и подошел с нею к каждому из двенадцати разбойников.

– Вот, любуйтесь, если хотите, самым прекрасным ребенком, который когда-либо рождался в разбойничьих замках!.. – Дочь лежала на огромной ладони отца и глядела на него, не мигая. – Личико такое смышленное, будто она уже кое-что понимает.

– А как ее назвали? – снова спросил Лысый Пер.

– Рони, – ответила Ловиса. – Я это уже давно решила.

– А если бы родился мальчик? – полюбопытствовал он.

Ловиса смерила Лысого Пера спокойным и строгим взглядом.

– Раз я решила, что моего ребенка будут звать Рони, то у меня могла родиться только Рони.

Потом она повернулась к Маттису.

– Взять ее у тебя?

Но Маттис еще не хотел расставаться с дочкой. Он стоял и с изумлением разглядывал ясные глазки, крохотный ротик, темные волосики, беспомощные ручки Рони и обмирал от любви к ней.

– Детонька моя, – сказал он. – Отныне мое разбойничье сердце в твоих маленьких ручонках. Не знаю почему, но это так.

– А ну-ка, дай мне ее немножко подержать, – попросил Лысый Пер.

И Маттис с осторожностью положил ему на руки Рони, словно золотое яичко.

– Вот он, новый атаман, о котором ты так долго мечтал. Только не урони ее, не то пробьет твой последний час.

Но Лысый Пер лишь улыбнулся своим беззубым ртом.

– Да она же, как перышко, – сказал он, слегка подбрасывая малютку на руках. Маттис разозлился и выхватил у него Рони.

– А что ты ожидал увидеть, старый осел? Уж не толстого ли атамана с отвисшим брюхом и окладистой бородой? Хе-хе, так, что ли?

И тогда все разбойники смекнули, что про этого ребенка и слова дурного сказать нельзя, если не хочешь рассориться с атаманом. А с Маттисом шутки плохи. Поэтому они тут же принялись расхваливать и славить новорожденную. И за ее здоровье осушили не одну кружку пива, что Маттису явно пришлось по душе. Он подсел к столу и снова и снова показывал им свою прелестную малютку.

– Вот кто теперь лопнет от зависти, так это Борка! – воскликнул Маттис. – Ну и пусть сидит в своей вонючей пещере и с досады скрипит зубами. Да, черт побери! Там поднимется

такой стон и скрежет, что всем злющим друдам и серым гномам придется затыкать уши, уж поверьте.

Лысый Пер согласно мотнул головой и сказал со смешком:

– Еще бы ему не лопнуть от зависти! Теперь род Маттиса будет жить, а роду Борки – крышка!

– Золотые слова! – подхватил Маттис. – Крышка, это как пить дать, потому что у Борки нет ребенка и не будет...

В этот миг раздался такой удар грома, какого в разбойничьих горах еще никто никогда не слышал. Все разбойники побледнели от страха, а Лысый Пер даже упал навзничь – ведь он уже не очень твердо стоял на ногах.

Рони вдруг жалобно пискнула, и от этого ее неожиданного писка сердце Маттиса сжалось куда сильнее, нежели от жуткого удара грома.

– Мое дитя плачет! – заорал он. – Что нужно делать? Что делать?

Но Ловиса не растерялась. Она спокойно взяла у него из рук ребенка и приложила к груди. Писк сразу прекратился.

– Вот это громынуло! – воскликнул Лысый Пер, когда пришел в себя. – Голову даю на отсечение, что где-то поблизости ударила молния.

Да, молния действительно ударила, и еще как! В этом они убедились, как только рассвело. Старый-престарый разбойничий замок, стоящий на самой вершине разбойничьей горы, раскололся пополам сверху донизу, от зубцов на башне до самых глубоких подземелий. И между этими половинами зияла пропасть.

– Как удивительно началась твоя жизнь, Рони, – сказала Ловиса, когда она, держа на руках дочку, поднялась на башню и оглядела все разрушения, что натворила гроза.

Однако Маттис метался в гневе, как дикий зверь. Как могло приключиться такое с древним замком его предков? Но он не умел долго злиться и всегда находил повод утешиться.

– Зато мы теперь освободились хоть отчасти от нескончаемых подземных ходов-переходов, от склепов да подвалов! Теперь уже никто не заблудится в нашем замке. Помните, как Лысый Пер потерялся там и вылез наружу только через четверо суток. А?

Но Лысый Пер не очень-то любил, когда ему напоминали об этом случае. Разве он виноват, что с ним приключилась такая беда? Ведь он просто хотел узнать, сколь велик и неприступен их замок, а узнал только то, что в подземелье легко заблудиться. Бедняга был еле жив, когда добрал наконец до большого зала. К счастью, разбойники так орали и хохотали, что их было слышно издали, иначе ему никогда бы не выбраться на свет божий.

– Весь замок мы все равно никогда не использовали, – сказал Маттис. – Ведь зал и комнаты, где мы спим, и половина башен остались у нас.

И жизнь в разбойничьем замке потекла по-прежнему. С той лишь разницей, что там теперь был ребенок. Маленькая девочка, которая, как считала Ловиса, день ото дня все больше и больше прибирала к рукам не только самого Маттиса, но и всех его двенадцать разбойников. Конечно, в том, что они изо всех сил старались вести себя не так грубо, как прежде, не было ничего дурного, однако во всем нужна мера. А вот то, что атаман и вся его шайка глупо хохочут, глядя, как маленький ребенок ползает по каменному полу, и ликуют, словно присутствуют при великом чуде, понять было решительно невозможно. Правда, Рони ползала необычайно шустро и как-то на свой манер, ловко отталкиваясь левой ногой, что особенно восхищало всех разбойников. Но ведь в конце концов большинство детей рано или поздно начинают ползать, считала Ловиса, и никто по этому поводу в телячий восторг не приходит, а отцы этих ползающих детей не глядят на них часами с умилением и не перестают заниматься своими мужскими делами.

– Маттис, ты дождешься, что Борка будет разбойничать в твоём лесу! – ворчала Ловиса, когда вся шайка во главе с атаманом врывается в замок в самое разбойное время только для того, чтобы посмотреть, как Рони за обе щеки уплетает кашу и как мать укладывает ее спать в люльку.

Но Маттис пропускал ворчание жены мимо ушей.

– Детка, голубка моя! – кричал он, когда Рони, ловко отталкиваясь левой ногой, ползла ему навстречу, наискосок пересекая зал.

А потом он усаживал свою голубку на колени и кормил ее, а все двенадцать разбойников стояли вокруг и не спускали с них глаз.

Чугунок с кашей висел над таганком, и так как у Маттиса были сильные, неуклюжие разбойничьи руки, он то и дело проливал ее на пол, да и Рони отпихивала ложку, отчего даже брови у Маттиса были в каше. Когда она проделала это в первый раз, разбойники захохотали так громко, что Рони испугалась и заплакала. Но скоро она догадалась, что стоит ей ударить по ложке, как все смеются, и так и норовила всех рассмешить, что, впрочем, доставляло больше удовольствия разбойникам, чем ее отцу. А вот ему это почему-то не нравилось, хотя все, что бы ни делала Рони, он считал бесподобным, а ее – самым изумительным существом в мире.

Даже Ловиса смеялась, когда Маттис с заляпанными кашей бородой и бровями кормил свою любимицу.

– О боже, кто бы мог подумать, Маттис, глядя сейчас на тебя, что ты самый могучий разбойничий атаман во всех горах и лесах на свете? Если бы Борка сейчас увидел тебя, он бы умер от смеха.

– Ну да, посмеялся бы он у меня! – воскликнул Маттис.

Борка был его заклятый враг, точно так же, как отец и дед Борки были заклятыми врагами отца и деда Маттиса. Люди помнят, что испокон веку обе шайки смертельно враждовали друг с другом. Да-да, с незапамятных времен они занимались разбоем и вызывали страх у всех купцов, которые на телегах везли товары через дремучие леса, где жили разбойники.

Господи, спаси и помилуй тех, чей путь лежит по дикому ущелью, обычно говаривали люди, вспоминая горную дорогу, которая шла разбойничьим лесом. Вдоль нее и устраивали засады разбойники, подкарауливая свои жертвы. Проезжим купцам в конце концов все равно, чьи шайки их грабят, но вот Маттису и Борке было совсем не все равно, кому из них достанется добыча. Обе шайки жестоко за нее дрались, а когда купцы почему-либо не проезжали по дикому ущелью, разбойники начинали грабить друг друга.

Всего этого Рони, конечно, не знала, потому что была еще маленькая. Она и понятия не имела, что ее отец – грозный разбойничий атаман. Для нее он был добродушный бородатый Маттис, который громко хохочет, поет или весело орет во всю глотку да кормит ее кашей, и она его любила.

Рони росла не по дням, а по часам и мало-помалу стала глядеть на мир вокруг себя. Долгое время она думала, что огромный зал с каменными стенами и есть весь мир. И там она чувствовала себя превосходно, особенно когда, забравшись под большой стол, играла шишками и камушками, которые приносил ей Маттис.

Зал этот и в самом деле был подходящим местом для детских игр. Там всегда находилось чем позабавиться, и научилась она там тоже многому. Рони нравилось, когда по вечерам разбойники пели, расположившись у огня. Тихо, как мышка, сидела она под столом, слушала и постепенно запомнила все разбойничьи песни. И тогда стала подпевать звонким, будто колокольчик, голосом, и Маттис не уставал восторгаться своей замечательной дочкой, которая так хорошо поет.

И танцевать Рони тоже сама научилась. Когда разбойники приходили с добычей, они на радостях принимались плясать и скакать по залу, как дикие козлы, и Рони вскоре стала им подражать. Она тоже отплясывала, как они, яростно била чечетку и, к великой радости отца, прыгала совсем по-разбойничьи. Когда же после таких бешеных плясок разбойники без сил плюхались на скамьи вокруг большого стола, чтобы освежиться пивком, Маттис начинал хвастаться своей дочкой:

– Знаете, она хороша, как маленькая друда, точно?.. Такая же ладная, кареглазая и черноволосая! Никто из вас никогда не видел такой прекрасной девочки, точно?

И разбойники дружно кивали головами и хором отвечали:

– Точно!

А Рони молча сидела под столом, играла камушками и шишками, а когда глядела на ноги разбойников, обутые в огромные сапоги, сшитые из козлиных шкур мехом наружу, то принималась играть и с ними, думая, что они бодучие козы. Она видела коз в загоне – Ловиса всегда брала ее с собой, когда ходила доить.

Вот, пожалуй, и все, что Рони успела узнать за свою короткую жизнь. О том, что находилось за пределами замка Маттиса, она не имела ни малейшего представления. И вот в один прекрасный день Маттис понял, хотя ему это и было ох как не по душе, что пришло время выпустить птичку на волю.

– Ловиса, – сказал он тогда жене, – наша дочка должна научиться бродить по моему разбойничьему лесу. Пусть пойдет погулять.

– Слава богу, наконец и ты это понял, – сказала Ловиса. – По мне, так она уже давным-давно гуляла бы по лесу.

Так Рони было разрешено ходить, куда ей вздумается. Но перед этим Маттис предупредил ее о тех опасностях, которые ей угрожали.

- Значит, так: остерегайся злобных друд, и серых гномов, и разбойников Борки.
- А как я узнаю, что это злобная друда, или серый гном, или разбойник Борки?
- Сама разберешься, – ответил Маттис.
- Ясно, – сказала Рони.
- А еще смотри не заблудись, – продолжал Маттис.
- А что мне делать, если я заблужусь?
- Найди нужную тропинку.
- Ясно, – сказала Рони.
- И еще смотри не упади в реку.
- А что мне делать, если я упаду в реку?
- Выплыви.
- Ясно.
- А еще смотри не загреми в пропасть. – Маттис вспомнил о той бездонной пропасти, которая возникла в ту ночь, когда молния ударила в разбойничий замок.
- А что мне делать, если я все-таки в нее загремлю?
- Тогда ты уже ничего не сможешь сделать, – произнес Маттис и вдруг так горько застонал, словно вся печаль мира собралась в его груди.
- Ясно, – сказала Рони, когда Маттис перестал стонать. – В таком случае я постараюсь не упасть в пропасть. Еще есть какие-нибудь другие опасности?
- Конечно, полным-полно, но их ты сама увидишь. А теперь иди!..

2

И Рони пошла. Очень скоро она поняла, какой была глупой, когда думала, что их большой зал с каменным полом и есть весь мир. Даже неприступный разбойничий замок со всеми его башнями и подземельями тоже не весь мир. И высокая разбойничья гора еще не весь мир. Нет, весь мир куда-куда больше. Он такой огромный, что просто дух захватывает.

Конечно, Рони не раз слышала, как Маттис и Ловиса говорили о том, что находится за стенами замка. Например, о реке. Но только когда Рони сама увидела, как с диким грохотом, бурля и вспениваясь, в глубоком ущелье у подножия разбойничьей горы проносится водный поток, она поняла, что такое река. И о лесе они тоже говорили. Но только когда Рони сама увидела лес, темный и таинственный, с шумящей листвой, она поняла, что это такое, и тихо засмеялась оттого, что на свете есть река и лес. Просто невероятно, что на самом деле есть эти огромные деревья, и эта бурная река, и вокруг бушует такая разнообразная жизнь! Ну скажите, как тут не засмеяться?

Рони пошла по тропинке прямо в лесную чащу и в конце концов оказалась на берегу лесного озера. Дальше идти ей нельзя, так сказал Маттис. Черное зеркало озера было окружено темными соснами, и лишь водяные лилии покачивались на воде, словно белые огоньки. Рони, конечно, не знала, что это белые лилии, но она долго глядела на них и тихо смеялась оттого, что они есть.

Весь день провела она у озера и радовалась всему, как никогда прежде. Она долго кидала в воду сосновые шишки и захохотала от радости, когда заметила, что стоит ей хоть немного пошлепать ногами по воде, как шишки уплывали. Так весело ей никогда не было. И ее ногам никогда не было так привольно.

Но еще увлекательнее оказалось карабкаться на валуны. Вокруг озера возвышались поросшие мхом огромные камни, прямо созданные для того, чтобы на них взбираться, и росли сосны и кедры, на ветках которых можно было отлично раскачиваться. Вот Рони и раскачива-

лась, и прыгала вниз, и снова взбиралась на валуны, пока солнце не зашло за верхушки деревьев.

Тогда она вынула из кожаного мешочка, который захватила с собой, хлеб и молоко и с аппетитом поела. Потом прилегла на мох, чтобы немного передохнуть, а над нею высоко-высоко шумели деревья. Она глядела вверх и смеялась тому, что они есть. А потом уснула.

Рони проснулась, когда уже стемнело и над верхушками деревьев сверкали звезды. И тогда она поняла, что мир еще больше, чем она думала. Но ее опечалило, что сколько ни тяни к звездам руки, до них все равно не дотянуться...

Она пробыла в лесу намного дольше, чем ей разрешили, надо было поскорее возвращаться домой, не то отец просто с ума сойдет от волнения. Это она хорошо понимала.

Кругом была тьма-тьмущая, только звезды отражались в воде. Но Рони темноты не боялась, она к ней привыкла: в их разбойничьем замке долгими зимними ночами, когда гасили огонь, становилось так темно, что хоть глаз выколи, куда темнее, чем ночью в лесу. Нет, темноты она не боялась.

Рони уже собралась в обратный путь, но вдруг вспомнила, что оставила свой кожаный мешочек на том самом валуне, где ела, и тут же взобралась на него. Там, наверху, ей показалось, что теперь она намного ближе к звездам. Рони снова протянула руки к небу, чтобы достать хоть несколько самых маленьких звездочек и принести их домой, но, увы, это ей никак не удавалось. Тогда она решила, что все-таки пора спускаться вниз.

Но вдруг она увидела, что между стволами деревьев светятся чьи-то глаза, и ей стало очень страшно, она не на шутку испугалась. Да-да, она и не заметила, что вокруг валуна сверкали глаза – они следили за ней. Она оказалась в их светящемся кольце. Никогда прежде она не видела глаз, которые светятся в темноте, и они ей совсем не понравились.

– Эй, вы! – крикнула она. – Что вам надо?

Но ответа не получила. Зато глаза стали приближаться. Медленно, понемножку огоньки глаз придвигались к ней, и до нее донесся сперва невнятный, глухой гул голосов, странных, старческих, сирых, а потом она разобрала и слова:

– Слушайте, серые гномы, слушайте все, серые гномы, здесь человек, в нашем лесу человек. Поймайте его, кусайте его, щипайте его и бейте его... Все, как один, серые гномы, ловите, кусайте, щипайте и бейте... Стук-стук-стук!..

Они уже вплотную обступили валун, странные серые существа, которые явно желали ей зла. Рони не могла их как следует разглядеть, но с отвращением ощущала, что они совсем рядом. Да, вот она и узнала, как опасны серые гномы, недаром Маттис предупреждал ее, что их надо остерегаться. Но теперь было уже поздно.

Они дружно принялись бить по валуну то ли палками, то ли дубинками – кто разберет, что у них там было в ручках. Стук, треск, грохот наполнили лес, и Рони закричала. Она испугалась не на шутку – а вдруг они ее убьют!

Гномы перестали бить по камню, но в наступившей тишине она услышала еще более страшный звук – какое-то шуршание. Это гномы карабкались на валун. Они подбирались к ней со всех сторон. Их ногти царапали и скребли камень. И снова раздался хор их скрипучих голосов:

– Все серые гномы, все, как один, кусайте, щипайте и бейте – стук-стук-стук!..

Тогда Рони в ужасе закричала еще громче и стала отчаянно размахивать кожаным мешочком. Вот-вот они на нее набросятся и закусуют, зажимают до смерти, да, это ясно. И первый ее день в лесу станет и последним.

Но в этот миг она услышала грозный клич – так грозно мог кричать только Маттис. Ну конечно же это был он, ее отец со своими двенадцатью разбойниками. Огонь их факелов мелькал между деревьями, а брань Маттиса оглашала лес:

– Убирайтесь прочь, серые гномы! Проваливайтесь в тартарары, не то мы вытащим топоры!..

Рони услышала, как маленькие тельца шмякаются на землю. В ярком свете факелов она их теперь разглядела – мерзкие серые твари улепетывали со всех ног и исчезали в темноте.

Она села на свой кожаный мешочек, как на санки, и соскользнула вниз по валуну, а тут как раз подоспел Маттис, поднял ее с земли и крепко обнял. И пока он нес ее домой, она плакала, уткнувшись ему в бороду.

– Ну, теперь ты узнала серых гномов? – спросил Маттис, когда они уже сидели у очага и Рони отогревала озябшие ноги.

– Ага, теперь я узнала серых гномов.

– Но ты еще не знаешь, как их одолеть. Они издали чувствуют, что их боятся, и тут же становятся опасными.

– Да-да, – подтвердила Ловиса. – И так ведут себя не только серые гномы. Поэтому в лесу безопасности ради надо ничего не бояться.

– Хорошо, – сказала Рони, – я это запомню.

Маттис только вздохнул и прижал ее к своей груди.

– Ну а ты помнишь, чего еще тебе надо остерегаться? – спросил он.

Да-да, все это она, конечно, хорошо помнила. И последующие дни только и делала, что остерегалась всех опасностей, и потому заставляла себя не бояться того, что страшно. Так как Маттис ее предупредил, чтобы она остерегалась упасть в реку, она отважно скакала по скользким камням именно там, где бешенней всего бурлила вода. Не могла же она, в конце концов, гуляя по лесу, остерегаться упасть в реку. Уж если надо остерегаться реки, то только там, где кипят стремнины и закручиваются водовороты.

Но попасть к этим самым стремнинам можно было, лишь спустившись по отвесной скале, на которой стоял замок. Таким образом, Рони заодно училась не бояться и отвесных скал. В первый раз она едва спустилась, было очень трудно, и ее охватил такой страх, что она зажмурилась. Но постепенно Рони делалась все смелей, и вскоре она уже знала все выступы и трещины скалы, все неровности, которые можно было нащупать большими пальцами, чтобы не загреметь вниз.

«Как мне повезло, – думала она, – что я нашла такое отличное место, где можно и остерегаться упасть в реку, и учиться вообще ничего не бояться!»

Так Рони проводила дни. Она остерегалась опасностей и упражнялась в храбрости куда прилежнее, чем это могли предположить Маттис и Ловиса, и скоро она стала ловкой, сильной и бесстрашной, как дикий зверек. Ее уже не пугали ни серые гномы, ни злобные друды, и упасть в реку или заблудиться в лесу она тоже не боялась. Вот только бездонной пропасти, ну, той, которая образовалась от удара молнии, она еще не начала остерегаться, но и это она не собиралась откладывать в долгий ящик.

Разбойничий замок она облазила вдоль и поперек, от подземелий до зубцов на крыше. Она играла во всех пустынных залах, где, кроме нее, никто никогда не бывал, и не боялась запутаться в лабиринте подземных ходов с темными пещерами и каменными мешками. Она теперь знала все тайные переходы в замке и все тайные тропинки в лесу как свои пять пальцев и никогда не сбивалась с дороги. Но все-таки лес она больше любила, чем замок, и проводила там целые дни.

Когда же наступал вечер, и тьма окутывала разбойничью гору, и в большом зале пылал огонь в очаге, Рони возвращалась домой, едва держась на ногах от усталости, – так усердно она весь день остерегалась того, чего надо было остерегаться, и училась ничего не бояться. В это же самое время обычно возвращался домой из разбойничьих походов и Маттис со своими двенадцатью разбойниками. И Рони сидела с ними у огня и пела вместе с ними разбойничьи песни, но об их разбойничьей жизни она не имела ни малейшего представления.

Она, конечно, видела, что, когда они по вечерам возвращались в замок, их кони были нагружены тюками, кожаными торбами и ящиками, но ей никто не говорил, где они брали эту поклажу, а ей и в голову не приходило их об этом расспрашивать, как она не спрашивала, к примеру, почему идет дождь. Ведь в мире так много необъяснимого! Это она уже давно заметила.

Она не раз слышала разговоры о разбойниках Борки и давно поняла, что ей надо их опасаться. Но до сих пор ни с одним из этих разбойников ей встретиться не довелось.

– Если бы Борка не был таким презренным псом, – сказал как-то вечером Маттис, – я бы его даже пожалел. Солдаты травят его в лесу, как дикого зверя, не давая ему ни отдыха ни сроку. Вот увидите, скоро они выкурят Борку из его логова. Правда, дрянь он порядочная, но тем не менее...

– Все разбойники Борки такие же свиньи, как он, вся шайка их такая, один к одному, – сказал Лысый Пер, и никто с ним спорить не стал.

«Какое счастье, что наши разбойники такие хорошие!» – подумала Рони.

Она окинула их взглядом – они сидели за столом и хлебали суп здоровенными ложками. Бородатые, грязные, одичавшие, они так и норовили тут же затеять свару. Но попробовал бы только кто-нибудь сказать при ней, что они свиньи! Ведь все они – и Лысый Пер и Тьёге, и Пельё и Фьосок, и Жутис и Жоэн, и Лаббас и Кнотас, и Турре и Тьёрм, и Стуркас и Малыш Клипп – ее друзья и готовы идти за нее в огонь и в воду.

– Как нам повезло, что у нас есть эта крепость, – сказал Маттис. – Здесь мы в полной безопасности, как лиса в норе, как орел на горе. Если эти паршивые солдаты и отважатся заглянуть сюда к нам, мы их живо отправим к черту в пекло.

– Отправим их назад, прямой дорогой в ад! – радостно подхватил Лысый Пер.

И все разбойники одобрили Лысого Пера и не смогли удержаться от смеха при одной мысли, что кто-то решится сунуть к ним нос.

Неприступной крепостью возвышался замок на горе. Только с его южной стороны сбегала по склону узенькая тропинка и исчезала в лесу, с остальных же трех сторон были отвесные скалы. «Не родился еще такой дурак, который рискнул бы карабкаться по этакой крутизне», – посмеивались разбойники. Они-то ведь и не подозревали, где Рони учится ничего не бояться.

– А если они все же отважатся подняться по тропинке, – сказал Маттис, – то выше Волчьей Пасти им не залезть. Устроим там каменный завал или что-нибудь еще похитрее придумаем.

– Или еще похитрее! – воскликнул Лысый Пер и хихикнул, предвкушая очередную выдумку своего атамана. – За свою жизнь я многим непрошеным гостям распарывал брюхо в этом ущелье, но теперь я уже слишком стар и могу прикончить разве что блоху. Хо-хо-йе-йе!..

Что Лысого Пера надо жалеть, ведь он такой старый, это Рони понимала, но вот почему солдат или любого другого надо было убивать за то, что они хотели подняться к их замку,

она решительно понять не могла. Впрочем, за день девочка так устала, что думать об этом ей не хотелось. Лучше она сейчас ляжет в кровать, но глаз она ни за что не закроет до тех пор, пока Ловиса не споет Волчью песнь, которую пела каждый вечер, когда наступало время гасить огонь в камине и всем разбойникам отправляться на боковую. В большом зале спали только они трое – Рони, Маттис и Ловиса. Рони любила, пока сон ее не одолевал, глядеть в щелку задернутого полога, как догорал огонь в камине, пока Ловиса пела. С тех пор как Рони себя помнила, ее мать всегда пела Волчью песнь перед тем, как лечь. Для Рони это означало, что пришло время сна, но, прежде чем смежить веки, она всякий раз с радостью думала: «А завтра я снова проснусь!»

И она в самом деле просыпалась и вскакивала с постели, едва только начинал брезжить рассвет. Какую бы погоду ни приносил новый день, Рони все равно бежала в лес, и Ловиса всегда клала ей в кожаный мешочек краюшку хлеба и флягу с молоком.

– По всему видно, что ты родилась в грозную ночь, – говорила Ловиса. – В ночь, когда летали злобные друды. Дитя, родившееся в такую ночь, непременно станет сорвиголовой, это все знают. Смотри, как бы эти друды тебя не схватили.

Рони не раз видела, как над вершинами деревьев парили злобные друды, и тогда она быстро пряталась. Из всего, что ее подстерегало в лесу, наибольшую опасность представляли именно они. «Берегись друд, если хочешь остаться в живых», – не раз говорил ей Маттис. Ведь это из-за них он так долго не выпускал Рони из замка. А глядя на этих красавиц-друд, и не подумаешь, что они такие бешеные и страшные! Они кружат над лесом и пристальным, неподвижным взглядом высматривают добычу, из которой могли бы высосать всю кровь, а потом разорвать в клочья своими острыми когтями.

Но даже злобные друды не могли прогнать Рони из леса, где она проводила все время – с утра и до самого вечера, с протоптанных ею тропинок и любимых полянок. Там она играла всегда одна, но, по правде говоря, она ни в ком и не нуждалась. Да и кто ей мог быть нужен, когда дни ее и без того были полны счастья. Вот только проносились они слишком уж быстро. Не успела Рони оглянуться, как промелькнуло лето и пришла осень.

А осенью злобные друды уж совсем не знали удержу, и однажды, прямо обезумев от ярости, они так долго гнались за Рони по лесу, что она наконец-то поняла, какая опасность ей угрожает. Конечно, бегала она как лисица и конечно же знала все укрытия в лесу, и все же друды преследовали ее по пятам, и она слышала их пронзительные вопли:

– О-го-го! Хо-хо! Какая красивенькая малютка! Сейчас мы пустим ей кровь! О-го-го-хо-хо-о!..

Рони нырнула в лесное озерцо, проплыла под водой до другого берега и ползком пробралась под зеленый шатер густой ели. Там она притаилась и слушала, как друды ищут ее и в бешенстве шипят:

– Где человечек? Где он, где он? Выходи, выходи! Мы тебя заласкаем-зацарапаем, и кровушка ручьем потечет!.. Ого-го, хо-хо!..

И Рони сидела в своем убежище до тех пор, пока злобные друды не скрылись за верхушками деревьев. Оставаться в лесу ей уже не хотелось. Но до ночи и до Волчьей песни Ловисы было еще очень долго, и тогда Рони решила заняться тем, чем она давно уже собиралась заняться, а именно: научиться остерегаться пропасти.

Она частенько слышала рассказы о том, как в ту ночь, когда она родилась, их замок раскололся надвое. Маттис не уставал повторять эту историю: «Ад и пламя! Как громынуло! Вот бы тебе услышать!.. Да, собственно говоря, ты и слышала, хоть и только что родилась. Трах-тарарах-тах-так, и разом два замка вместо одного, а между ними – пропасть. А ты будь поосторожней, смотри не упади туда».

Учиться остерегаться пропасти – именно этим Рони и собиралась сейчас заниматься. Лучшего занятия и не найти, когда над лесом носятся злобные друды.

Рони уже не раз бывала во внутреннем дворе замка, расколотого надвое ударом молнии, но даже близко не подходила к разверзшейся пропасти. А теперь она, как гусеница, подползла к самому ее краю и поглядела вниз. Ух! Это оказалось еще страшнее, чем она предполагала.

Она взяла валявшийся камень и кинула его вниз. А когда услышала, как этот камень ударился о дно, ей стало страшно – это был такой глухой и далекий звук!.. Да, что и говорить, это была и в самом деле опасная пропасть. Однако щель, разделившая замок на две половины, была не очень широкой, и если как следует разбежаться, то, наверное, можно через нее перепрыгнуть. Но кто станет через нее прыгать – дураков нет! И вдруг это и есть самый верный способ остерегаться пропасти?

Рони снова посмотрела вниз: ух, ну и глубина! Потом она огляделась по сторонам, прикидывая, где ей лучше прыгнуть, и увидела... Она увидела такое, что от изумления едва удержалась на ногах. На той стороне кто-то сидел. Этот «кто-то» был примерно ее роста, он сидел на самом краю пропасти и болтал ногами.

Рони догадывалась, что она не единственный ребенок на свете. Единственной она была только в замке Маттиса да в разбойничьем лесу. Ловиса уже много раз говорила ей, что на свете полным-полно детей и что из одних, когда они вырастают, получаются Маттисы, а из других – Ловисы. И каким-то образом Рони почувствовала, что тот, кто сидел на той стороне пропасти и болтал ногами, когда подрастет, станет Маттисом.

Он ее еще не заметил. Рони долго-долго глядела на него и тихо смеялась от радости.

3

Потом и он ее увидел и тоже рассмеялся.

– А я знаю, кто ты! – крикнул он. – Ты дочь разбойника и все дни напролет бегаешь по лесу. Я тебя уже видел.

– А ты кто такой? – крикнула Рони. – И как ты здесь очутился?

– Меня зовут Бирк, я сын Борки и живу теперь тут. Сегодня ночью мы сюда переехали.

Рони с недоумением поглядела на него.

– Кто это мы?

– Борка, Ундиса, я и наши двенадцать разбойников.

Прошло некоторое время, прежде чем до Рони дошел невероятный смысл его слов. Наконец она спросила:

– Уж не хочешь ли ты сказать, что Северная башня нашего замка теперь полным-полна всякой дряни?

Он засмеялся:

– Нет, там только отважные разбойники атамана Борки, зато в Южной башне замка, где ты живешь, полным-полно всякой дряни, это всем известно.

– Ах, это всем известно?! Ну, знаешь!.. – Рони прямо кипела от гнева.

– И учти, – крикнул Бирк, – никакой вашей Северной башни больше нет, а есть замок Борки. С сегодняшнего дня он так называется. Запомни!..

Рони с трудом перевела дух: в таком она была бешенстве. Замок Борки!.. Тут было от чего задохнуться. Ну и негодяи эти разбойники Борки, и этот щенок, который сидит там и хихикает, один из них.

– Ад и пламя! – воскликнула она. – Ну, подожди, вот услышит Маттис эту новость, и тут же вы все, вся ваша шайка полетит отсюда вверх тормашками!

– «Вверх тормашками»!.. – усмехнулся Бирк. – Жди!..

Но Рони представила себе Маттиса, и ей стало страшно. Ведь она уже видела, каким он бывает в гневе, и знала, что добром это не кончится. Их замок, наверное, еще раз расколется пополам или разлетится на куски. И она даже застонала от ужаса при этой мысли.

– Чего это ты? – спросил Бирк. – Тебе плохо?

Рони не ответила. Хватит!.. Хватит этой дурацкой болтовни, охота ей слушать все эти глупости. Пора действовать, скоро вернуться домой разбойники Маттиса, и тогда – ад и пламя! – вся паршивая шайка Борки пулей вылетит из замка Маттиса.

Она встала, собираясь уйти, и тут увидела, что затеял Бирк. Представьте себе, этот щенок примерялся, ни больше ни меньше, как перепрыгнуть через пропасть. Он стоял на той стороне, как раз напротив Рони, и вдруг, сорвавшись с места, побежал к пропасти. Тогда она крикнула:

– Только прыгни, я тебя так стукну, что нос сворочу.

– Ха-ха! – заорал в ответ Бирк и птицей перелетел через пропасть. – А тебе слабо так прыгнуть!.. – добавил он, усмехнувшись.

Вот это он уже зря сказал, это уж слишком. Достаточно того, что он и его поганая шайка захватили Северную башню их замка и поселились там. Она не могла допустить, чтобы разбойник Борки сделал то, чего не посмел бы повторить разбойник Маттиса.

И Рони решилась. Сама толком не понимая, что делает, она тоже перелетела над пропастью и оказалась на той стороне.

– Ну, ты даешь! – воскликнул Бирк и прыгнул вслед за ней.

Но Рони, не дожидаясь, махнула назад, на свою сторону. Пусть он стоит там и пялит на нее глаза сколько хочет!

– Эй, ты, что же ты меня не стукнула? – крикнул Бирк. – Иду к тебе!

– Больно надо!

Он снова сиганул на ее сторону. Но и на этот раз она не стала его дожидаться и опять прыгнула на ту сторону. Рони решила, что будет прыгать туда и назад столько, сколько придется, до последнего дыхания, лишь бы не оказаться с ним рядом.

После этого никто уже не произнес ни слова. Они словно обезумели и только молча прыгали взад и вперед, ничего не было слышно, кроме их тяжелого, прерывистого дыхания. Лишь вороны, сидевшие на зубцах башен, время от времени хрипло каркали, нарушая пугающую, глухую тишину. Казалось, что замок Маттиса, возвышающийся на горе, затаил дыхание, словно предчувствовал, что сейчас произойдет беда. «Сейчас мы оба свалимся в эту пропасть, – подумала Рони. – Зато хоть прыгать перестанем».

И снова Бирк полетел ей навстречу, и она снова изготавилась для ответного прыжка, уже неизвестно какого по счету. Рони показалось, что всю жизнь она только и делала, что прыгала через пропасть, лишь бы не встретиться с Бирком.

И вот тут она вдруг увидела, что Бирк, приземляясь, зацепился ногой о камень, и услышала, как он крикнул, прежде чем исчезнуть в трещине.

Наступила тишина, только каркали вороны. Рони зажмурилась, ей сейчас хотелось лишь одного – чтобы всего этого не было. Зачем они прыгали как полоумные? Уж лучше бы ей никогда не встречать этого Бирка.

Рони доползла до края пропасти, посмотрела вниз и увидела его. Он стоял прямо под ней, то ли на выступающем камне, то ли на обломленной балке, то ли еще на чем-то, что торчало

из расколотой молнией стены, но лишь на ширину ступни, не больше. Там он стоял, а под ним была пропасть. Бирк шарил дрожащими руками по стене, надеясь нащупать неровность, за которую можно было бы уцепиться пальцами, чтобы не сорваться вниз. И он понимал, да и Рони тоже, что без ее помощи ему оттуда не выбраться. Он стоял бы там, пока силы его не иссякли, а потом, они оба это понимали, не стало бы на свете Бирка, сына Борки...

– Не шевелись! – крикнула Рони.

– А что мне еще остается? – ухмыльнулся он в ответ.

Но было ясно, что ему страшно.

Она торопливо размотала длинный плетеный ремешок, который всегда носила подвязанным к поясу. Он не раз выручал ее, когда она взбиралась на скалы или спускалась с высоких деревьев. На одном конце она сделала петлю, а другим обвязала себя вокруг пояса. Затем спустила конец с петлей Бирку и заметила, что глаза его радостно сверкнули, когда он увидел эту петлю. Да, ремешок оказался достаточно длинным, этому борковскому щенку здорово повезло, подумала Рони и крикнула:

– Эй, ты, накинь эту петлю на себя, но не карабкайся вверх, пока я не скажу!

В ту ночь, когда Рони появилась на свет, молния отколола кусок зубчатой стены, и он, к счастью, так и лежал с тех пор у самого края пропасти. Рони заползла за него и крикнула:

– Валяй!

И тут же почувствовала, как ее бока стиснула затягивающаяся ременная петля. Было очень больно. Рони вскрикивала при каждом рывке Бирка, который карабкался вверх.

«Ремень меня, наверно, перережет пополам, и я стану, как наш замок, из двух частей», – подумала Рони и стиснула зубы, чтобы не застонать.

Но вдруг ремень разом ослаб – Бирк стоял над ней и глядел на нее.

– Здорово ты здесь улеглась, – сказал он.

– Ага, – сказала она. – Надеюсь, больше прыгать не будешь?

– Нет, один раз мне еще придется прыгнуть, чтобы попасть на ту сторону. Должен же я все-таки вернуться домой, в замок Борки.

– Только скинь-ка поскорей мой ремешок! – приказала Рони и вскочила на ноги. – Я не хочу быть с тобой связанной, понял?

Бирк тотчас сбросил с себя ременную петлю.

– Понял, – сказал он. – Но теперь я все равно с тобою связан. Даже без ремешка.

– Уходи отсюда, слышишь! – крикнула Рони. – Придумал тоже – «замок Борки»! Двигай отсюда!..

Она сжала кулак и с размаху стукнула его по носу.

А он засмеялся и сказал:

– Но чтобы больше этого не было, поняла? Ты спасла мне жизнь. Очень мило с твоей стороны. Спасибо!

– Уходи отсюда, тебе говорю! – заорала Рони и кинулась прочь, не оглядываясь.

Но когда она добежала до каменной лестницы, которая вела от крепостной стены к входу в замок, она услышала, что Бирк прокричал ей вдогонку:

– Эй, ты, дочь разбойника!.. Мы еще встретимся!

Тогда она повернула голову и увидела, как он разбегается для своего последнего прыжка.

– Надеюсь, ты и на этот раз туда загремишь, сын Борки! – крикнула Рони.

Однако все вышло еще хуже, чем предполагала Рони. Маттис впал в такую ярость, что даже его разбойники испугались.

Но поначалу никто ей не поверил, и Маттис, может быть впервые в жизни, на нее рассердился.

– Сочиняй себе небылицы сколько влезет, но такую чушь не смей выдумывать. Надо же, чтобы тебе это в голову влетело – разбойники Борки поселились в замке Маттиса! Вот слушаю тебя, и у меня от гнева прямо кровь закипает, хоть я и знаю, что ты все наврала.

– Нет, – сказала Рони, – я не наврала.

И она снова начала рассказывать, что она узнала от Бирка.

– Ложь! – крикнул Маттис. – К тому же у Борки нет сына. У него вообще детей нет. Это всем давно известно.

Разбойники сидели молча, никто не осмеливался нарушить молчание. Первым обрел дар речи Фьосок:

– Это, конечно, так, но все же люди болтают, что у него есть мальчишка. Его родила со страху Ундиса в ту грозовую ночь, ну, помните, когда у нас появилась Рони.

Маттис прожег его насквозь своим огненным глазом.

– И никто мне об этом ни слова не сказал? Ну, выкладывайте начистоту, что вы еще от меня скрываете.

Он обвел всех разбойников диким взглядом, схватил со стола сразу две кружки пива и с размаху швырнул их, облив всю стену белой пеной.

– Так что же выходит, борковский щенок бродит по моему замку?! И ты, Рони, разговариваешь с ним?!

– Это он со мной разговаривал.

И снова, зарывав как дикий зверь, Маттис схватил с блюда баранью ногу и шмякнул ею об стену так, что капли жира разлетелись во все стороны.

– И ты утверждаешь, что щенок Борки хвастался, будто этот шелудивый пес, его отец, поселился со своим сбродом в Северной башне моего замка?

Хоть Рони и боялась, что от ярости у Маттиса помрачится рассудок, когда он узнает все, она решила сказать ему правду: ведь иначе не вышвырнуть Борку и его людей из Северной башни.

– Да, и теперь наша Северная башня называется замком Борки. Вот так, папочка...

Издав еще более устрашающий вопль, Маттис сорвал с крюка котел с похлебкой и, размахнувшись, метнул его в стену, да так, что окатил кипящим варевом весь пол.

До сих пор Ловиса, не проронив ни слова, слушала да глядела на все, что происходило в зале. Но тут она рассердилась. Она схватила миску с яйцами, которые утром принесла с птичьего двора, и подошла к Маттису.

– На, швырай, не стесняйся, только имей в виду, убирать все будешь сам, собственными руками, понял?

Маттис, вопя не своим голосом, стал кидать яйца одно за другим в стену, и белок с желтком стекали на каменный пол.

А потом он заплакал.

– Я жил спокойно, как лиса в норе, как орел в гнезде! А теперь...

И Маттис кинулся на пол и стал кататься по каменным плитам и выть, как раненый зверь, и проклинать все на чем свет стоит, пока это не надоело Ловисе.

– Стоп, хватит, – сказала она. – Криком тут делу не поможешь. Вставай-ка лучше – все тебя ждут.

Голодные разбойники молча сидели вокруг стола. Ловиса подняла с полу баранью ногу и оберла ее тряпкой:

– Не повалешь – не поешь, вкусней будет! – сказала она примиряюще и стала резать мясо толстыми ломтями.

Маттис, злой как черт, поднялся с полу и нехотя уселся на свое обычное место, но кусок не лез ему в рот. Он подпер руками свою лохматую голову, что-то бормотал себе под нос и время от времени так громко вздыхал, что слышно было в самых дальних углах зала. Тогда Рони подошла к нему, обняла его и прижалась щекой к его щеке.

– Не вздыхай, отец, – сказала она. – Нужно только вышвырнуть их отсюда, и все.

– Легко сказать – вышвырнуть, – мрачно пробурчал Маттис.

Весь вечер разбойники сидели у очага и решали, как им быть. Как выгнать разбойников Борки из Северной башни, вот над чем ломал себе голову Маттис.

Но прежде всего он хотел понять, как эти негодяи, эти бродяги сумели пробраться в Северную башню и ни один из разбойников Маттиса этого не видел. Ведь чтобы попасть в замок – хоть пешком, хоть на лошади, – надо непременно пройти через Волчью Пасть, где день и ночь стоят караульные Маттиса. И никто из них не заметил ничего подозрительного.

Лысый Пер захихикал:

– Уж не думаешь ли ты, Маттис, что они, гуляя в горах, подошли к Волчьей Пасти и приветливо сказали: «Пропустите-ка нас, приятели, мы хотим поселиться у вас в Северной башне». Хи-хи!..

– Эй, ты, мудрец, скажи-ка лучше, какой дорогой они прошли? А?

– Ну уж конечно, не через Волчью Пасть и не через крепостные ворота, – ответил Лысый Пер. – Это ясно... Они обошли замок с севера, где у нас не стоит охрана...

– А какого лешего там охранять? Там же нет входа в замок, одна отвесная скала. Может быть, они умеют, как мухи, ходить по стене? Так, что ли? А потом пролезли сквозь узкие бойницы? Да?

Но Маттису пришло что-то в голову, он пристально взглянул на Рони и спросил в упор:

– А что ты там делала?

– Я? Училась остерегаться пропасти, – ответила Рони.

Теперь она жалела, что ни о чем не расспросила Бирка. Тогда она, может быть, узнала бы, как разбойники Борки проникли в Северную башню. Но это было упущено.

Ночью Маттис расставил дозорных не только в ущелье, но и на стене у провала.

– От Борки всего можно ждать, – сказал он. – Он еще, чего доброго, перемахнет, как бешеный бык, через пропасть и выгонит нас из замка.

Маттис снова схватил пивную кружку и швырнул ее о стену так, что клочья пены разлетелись по всему залу.

– Ловиса, я сейчас лягу в постель. Но не спать, – сказал Маттис, – а думать. Я должен решить, как их выгнать из замка. И горе тому, кто мне мешает...

Рони тоже долго не могла уснуть. Почему ей так грустно? Почему все вдруг так изменилось в ее жизни? Почему? Этот Бирк... Как она обрадовалась, когда его увидела. Почему, когда ей наконец посчастливилось встретить ровесника, он должен был оказаться сыном Борки?

4

На другое утро Рони проснулась чуть свет. Однако отец ее уже сидел за столом и ел кашу, но каша в миске почти не убывала. Он мрачно подносил ложку ко рту, но при этом забывал, что надо раскрывать рот, и проглотить ему мало что удавалось. Он очнулся, только когда в зал ворвался Малыш Клипп, который вместе с Туркасом и Тьёге стоял в ночном дозоре у пропасти, разделявшей замок на две части.

– Эй, Маттис, скорее, Борка ждет тебя! Он стоит на той стороне и орет как полоумный. Он хочет говорить с тобой.

Выпалив все это, Малыш Клипп проворно отскочил в сторону, что, к слову сказать, было весьма предусмотрительно, потому что в следующий миг мимо его уха просвистела деревянная миска с кашей и стукнулась о стену так, что каша залепила все вокруг.

– Потом ты сам все уберешь, – строго напомнила ему Ловиса, но Маттис ее словно не слышал.

– Вот как, Борка желает говорить со мной? Ад и пламя!.. Что ж, пусть попробует, но только после этого он вряд ли сможет с кем-либо разговаривать завтра, – сказал Маттис и так стиснул челюсти, что зубы закрипели.

И тут все разбойники выскочили из своих каморок, чтобы посмотреть, что происходит в зале.

– Побыстрее управляйтесь с кашей! – скомандовал Маттис своим людям. – И пошли! Нам надо схватить этого дикого быка за рога и скинуть его в пропасть.

Рони вмиг оделась. Чтобы натянуть куртку из сыромятной телячьей кожи и такие же брюки, много времени не надо. До самого снега она обычно ходила босиком. Она не любила надевать сапоги или зашнуровывать башмаки. И уж тем более не стала этого делать в то утро, когда надо было спешить. Будь это обычный день, она тут же отправилась бы в лес, но день этот был необычный, и она поспешила к пролому в стене, чтобы поглядеть, что там произойдет.

Маттис так торопил своих разбойников, что они, не доев кашу, вместе с Ловисой побежали к каменной лестнице. Только Лысый Пер остался сидеть перед миской и проклинал свою немощ. Он так ослабел, что не мог идти со всеми на дело.

– Уж очень длинная лестница ведет к этой дурацкой стене, – бормотал он, – и уж очень дрожат мои старые колени.

Утро было холодным и ясным. Первые красные лучи солнца с трудом пробивались сквозь густой лес, окружавший замок Маттиса. Рони увидела это, поднявшись на зубчатую стену. Охотней всего она пошла бы сейчас в лес, в свой тихий зеленый мир. Как ей не хотелось стоять здесь, у этого пролома, по одной стороне которого выстроились разбойники Маттиса, по другой – разбойники Борки и пялили друг на друга глаза.

«Вот, значит, как он выглядит», – подумала Рони, увидев Борку, который, широко расставив ноги и скривив в усмешке огромный рот, стоял перед своими людьми. – Хорошо, что он не такой высокий и статный, как Маттис».

Но Борка был явно очень сильный, тут ничего не скажешь. Ростом, правда, он не вышел, зато какой широкоплечий и крепкий! Его рыжие волосы торчали во все стороны. Рядом с ним

стоял еще один такой же красноголовый, но у того волосы лежали ровно, и издали казалось, что он в медном шлеме. Да, рядом с отцом стоял Бирк, и по всему было видно, что то, что здесь происходит, ему по душе. Он тайком кивнул Рони, будто они старые друзья. Ну и воображала! Чего это он вздумал, борковский щенок!..

– Хорошо, Маттис, что ты так быстро пришел, – сказал Борка.

Маттис мрачно поглядел на своего врага.

– Я бы еще раньше пришел, но меня задержало одно дело.

– Что же это за дело такое? – учтиво поинтересовался Борка.

– Представь себе, стих, который я сочинял поутру. Он называется «Погребальный плач по мертвому Борке». Может, это будет хоть малым утешением для Ундисы, когда она станет вдовой.

Борка полагал, что Маттис тут же вступит с ним в переговоры и не будет скандалить из-за того, что он поселился в Северной башне. Но, увы, его ждало жестокое разочарование. Впрочем, он это сразу понял и здорово обозлился.

– Ты лучше подумай о том, как тебе утешить Ловису, ведь ей, несчастной, приходится ежедневно видеть тебя и слышать твой гнусный голос!

Ундиса и Ловиса, те самые, которых они хотели утешать, стояли друг против друга, скрестив руки на груди, и глядели друг другу в глаза. Судя по их воинственному виду, ни та ни другая ни в каких утешениях не нуждалась.

– Все-таки выслушай меня, Маттис, – снова начал Борка. – В нашем лесу мы больше оставаться не могли, потому что солдаты досаждали нам, как навозные мухи. А ведь куда-то мне надо было деться с женой, ребенком и моими разбойниками.

– Это все понять можно, – сказал Маттис. – Но захватить ни с того ни с сего чужое жилье, не спросив даже разрешения у хозяина, – так не поступают приличные люди, у которых осталась хоть капля совести.

– Весьма странные речи для разбойника! – воскликнул Борка. – Разве ты не берешь себе все, что хочешь, ни у кого не спрашивая разрешения?

– Гм-гм... – промычал Маттис.

Он явно не знал, что ответить, хотя Рони и не понимала, почему отец так растерялся. «Интересно, – подумала она, – какие такие вещи берет себе Маттис, ни у кого не спрашивая разрешения? Это обязательно надо выяснить».

– Кстати, – произнес Маттис после некоторого молчания, – любопытно все-таки узнать, как вы попали в мою башню, чтобы тем же путем вас оттуда вышвырнуть.

– Что ж, попробуй, – ответил Борка. – Ты хочешь узнать, как мы вошли туда? У нас, видишь ли, есть один мальчишка, который с помощью длинной крепкой веревки может забираться на самую высокую стену. – И он потрепал Бирка по рыжим волосам, а тот в ответ улыбнулся. – И вот этот самый мальчишка закрепил наверху веревку, и мы все полезли по ней, а потом преспокойно вошли в башню и свили себе там уютное разбойничье гнездо.

Маттис зубами заскрипел с досады, что ему приходится все это выслушивать.

– Насколько я знаю, – сказал он, – в Северной башне даже нет двери...

– Много ты знаешь о своем замке, хоть и прожил в нем всю жизнь! Была там дверь. Когда этот замок принадлежал дворянину, то его служанки ходили через нее в хлев кормить свиней. Ты хоть помнишь, где находился старый свинарник, когда мы были детьми? Там мы с тобой еще ловили крыс до тех пор, пока не пришел твой отец и не треснул меня по затылку так, что я думал, у меня башка отвалится.

– Да, мой отец всегда правильно поступал! Ни один проходимец из шайки Борки не уходил от него, не получив по заслугам.

– Да-да, – подтвердил Борка. – И эти затрешины научили меня тому, что все негодяи из шайки Маттиса мои враги не на жизнь, а на смерть. А до этого я даже толком не знал, что мы принадлежим к разным родам, да и ты этого не знал.

– Зато теперь я это хорошо знаю, – сказал Маттис, – и поэтому либо нам придется петь «Погребальный плач по мертвому Борке», либо ты со всем своим сбродом уберешься прочь из нашей башни тем же путем, каким в нее проник.

– Не сомневаюсь, что по кому-нибудь из нас «Погребальный плач» петь придется, – сказал Борка, – но из Северной башни я никуда не уйду.

– Это мы еще посмотрим, – сказал Маттис, и все его разбойники дружно поддакнули.

Они тут же схватились за оружие, но разбойники Борки тоже были вооружены, а такая схватка на краю пропасти ничем хорошим кончиться не могла, это понимали и Маттис, и Борка. Поэтому они до поры до времени разошлись, еще раз обругав друг друга для порядка.

Когда Маттис вернулся в свой каменный зал, вид у него был отнюдь не победоносный, так же как и у его разбойников. Лысый Пер подмигнул пришедшим и расплылся в беззубой улыбке:

– Ну, как поживает дикий бык, которого ты хотел схватить за рога и скинуть в пропасть? Как это все прошло? Наверно, раздался такой грохот, что замок затрясся в испуге?

– Глотай свою кашу, старик, если ты еще можешь ее прожевать, и помалкивай, а заботу о быке предоставь мне, – сказал Маттис. – Придет время, я с ним расправлюсь.

Но поскольку, судя по всему, время еще не пришло, Рони отправилась в лес. Дни стали короче. Через несколько часов солнце уже сядет, а ей хотелось успеть побывать и в лесу, и на озере. Водная гладь, освещенная солнцем, казалась расплавленным золотом. Но Рони знала, что никакое это не золото, а вода, и к тому же ледяная. И все же она быстро скинула с себя одежду и ласточкой нырнула в воду. Сперва она вскрикнула, словно от ожога, потом радостно рассмеялась и плавала, и ныряла до тех пор, пока совсем не ооченела. Тогда она выскочила на берег. Дрожа всем телом, она натянула на себя свою кожаную куртку, однако от этого не согрелась, и тогда она побежала. Рони носилась между деревьями и прыгала через камни, словно тролль, пока не изгнала из тела весь холод и щеки ее не запылали. Но она продолжала бежать, радуясь тому, что ей так легко. С ликующим криком промчалась она между двумя густыми елями и с ходу налетела на Бирка. И тогда гнев снова охватил ее. Даже в лесу ее не оставляют в покое!

– Поосторожней, дочь разбойника! – сказал Бирк. – Неужели ты так спешишь?

– Это тебя не касается, – огрызнулась Рони и помчалась дальше.

Но постепенно она замедлила шаг, ей захотелось оглянуться и посмотреть, что делает Бирк в ее лесу.

А он сидел возле норы, где жила ее лисья семья. И Рони разозлилась еще больше – ведь это были ее лисицы. Она наблюдала за ними с весны, когда малыши появились на свет. Теперь лисята подросли, но все еще возились, как маленькие. Они прыгали, покусывали друг друга и катались по земле перед входом в нору, а Бирк сидел и глядел на них. И хотя он сидел к ней спиной, он каким-то таинственным образом почувствовал, что она стоит за ним, и крикнул, не оборачиваясь:

– Что тебе нужно, дочь разбойника?

– Мне нужно, – ответила Рони, – чтобы ты оставил в покое моих лисят и ушел из моего леса.

Бирк встал и подошел к ней.

– Твои лисята!.. Твой лес!.. Лисята принадлежат самим себе, и никому больше, понятно? И живут они в лисьем лесу, а вовсе не в твоём. А еще это и волчий лес, и медвежий, и лосиный, и диких коней. И филинов, и канюков, и горлиц, и ястребов, и кукушек. И лес гусениц, пауков, муравьев...

– Я знаю все зверье, которое живет тут, в лесу, – сказала Рони. – Нечего тебе здесь болтаться и учить меня.

– Значит, ты знаешь, что лес этот принадлежит и серым гномам, и злобным друдам, и лешим, и троллям...

– Вот что: либо расскажи что-нибудь поновей, чего я не знаю лучше, чем ты, либо прикуси свой болтливый язык...

– А еще это и мой лес!.. И твой тоже, дочь разбойника. Да, и твой тоже. Но если ты считаешь его только своим, то ты куда глупее, чем мне сперва показалось.

Он взглянул на нее, и его светлые, голубые глаза даже потемнели от неприязни к ней. Сейчас он ее ненавидел, это было ясно, и она обрадовалась этому. Пусть думает о ней что хочет, а она вернется домой, только чтобы больше не видеть его.

– Я готова делить лес с лисицами, с кукушками, с пауками, с кем угодно, но только не с тобой! – крикнула она и побежала.

И тут она заметила, что между деревьями пополз туман. Плотными серыми хлопьями поднимался он от земли и окутывал все вокруг. Вмиг исчезло солнце и погас золотой блеск воды. Не видно было ни тропинки, ни валунов. Но Рони не испугалась. Даже в самой густой туман она сумеет найти дорогу в замок Маттиса и окажется дома прежде, чем Ловиса запоеет Волчью песнь. Ну а что будет с Бирком? В лесу Борки он конечно же знает все дороги и тропинки, но в лесу Маттиса он может и заблудиться. Что ж, тогда ему лучше всего остаться у лис, думала она, пока не наступит новый день и туман не рассеется. Вдруг она услышала его голос:

– Рони!

Гляди-ка! Вспомнил, как ее зовут, а то все звал ее «дочь разбойника».

А он снова крикнул:

– Рони!

– Ну чего? – крикнула она в ответ.

Но он уже догнал ее.

– Мне почему-то страшно от этого тумана, – сказал он.

– Понятно, ты боишься, что не найдешь дорогу в свое воровское гнездо. Тогда тебе придется ночевать с лисами в их норе. Ведь ты все хочешь со всеми делить.

Бирк рассмеялся:

– Ну, ты и кремень, дочь разбойника! Тебе легче найти дорогу в замок Маттиса, чем мне. Можно, я буду держаться за край твоей куртки, пока мы не выйдем из лесу?

– Еще чего захотел! Конечно нет, – ответила Рони, но размотала кожаный ремешок, который уже однажды спас его от смерти, и протянула ему конец. – Только, чур, близко ко мне не подходи. Ясно?

– Ясно, злыдня.

И они отправились в путь. Туман обступил их со всех сторон, они шли молча, на расстоянии натянутого ремня друг от друга, как велела Рони. Главное было не потерять тропинку – один неверный шаг, и собьешься с пути, – это Рони знала, но она все равно не боялась. Руками и ногами определяла она, где тропа, – камни, стволы деревьев и кусты служили ей дорожными знаками. Шла она медленно, но все равно успеет добраться до замка прежде, чем Ловиса запоеет Волчью песнь. А вообще-то чего бояться?

И все же более странного леса она никогда не видела. Казалось, вся жизнь тут замерла, как-то угасла, и Рони вдруг стало не по себе. Неужели это ее лес, который она знает как свои пять пальцев и так любит? Почему сегодня тут так тихо и так страшно? Что скрыто за всеми этими завесами тумана? Она чувствовала, что там таится что-то неведомое и опасное, но не понимала, что именно, и это пугало ее.

«Скоро я приду домой, – думала она, чтобы себя успокоить. – Скоро я лягу в постель и буду слушать, как поет Ловиса Волчью песнь». Но мысль эта почему-то не успокаивала Рони. Страх все больше охватывал ее, и в конце концов ей стало так жутко, как еще никогда в жизни. Ей хотелось окликнуть Бирка, но она смогла издать лишь тихий, еле слышный писк, такой жалобный, что у нее даже сердце ёкнуло. «Уж не схожу ли я с ума, – подумала она, – неужели мне пришел конец?»

И тут из глухой глубины тумана раздалась негромкие, нежные звуки. Постепенно они слились в песню, и песня эта была прекрасной. Никогда еще Рони не слышала ничего похожего на это пение. Волшебное пение, и лес разом наполнился чарующей мелодией! Ее страхи тут же развеялись, она успокоилась, остановилась и замерла, поддавшись очарованию минуты. Многоголосый хор, казалось, манил ее. Да, она чувствовала, что неведомые певцы зовут ее к себе, требуют, чтобы она сошла с тропинки и побежала к ним сквозь туман.

Все громче и громче становилось это странное пение, и сердце Рони трепетало так сладостно, что она просто-напросто забыла, что ее ждут дома и что Ловиса скоро запоеет свою вечернюю Волчью песнь. Она забыла обо всем и желала сейчас только одного – идти к тем, кто звал ее из тумана.

– Я иду, иду!.. – крикнула Рони и сошла с тропинки.

Но не успела она сделать и несколько шагов в сторону, как Бирк резко дернул ремень, причем так сильно, что сбил ее с ног.

– Ты куда?! – заорал он не своим голосом. – Если ты пойдешь к подземной нечисти, тебе конец! Сама знаешь!

Подземная нечисть, да, она слыхала о ней. Она знала, что только в туман выползают эти твари из своих темных глубин, но никогда еще не видела ни одной из них. А теперь Рони была готова бежать по их зову куда угодно и даже навсегда остаться под землей, лишь бы всю жизнь слушать это чудное пение.

– Иду, иду! – снова крикнула она и поднялась.

Но Бирк был уже рядом и схватил ее за плечи.

– Пусти!.. – стала отбиваться Рони. – Пусти, слышишь!

Бирк крепко держал ее.

– Не дури! – говорил он. – Не губи себя!

Но она не слышала его. Пение подземной нечисти, от которой гудел лес, неудержимо, словно магнитом, притягивало ее.

– Иду, иду! – крикнула она в третий раз и стала бороться с Бирком, чтобы вырваться из его рук.

Она била его по рукам, царапалась, кричала, плакала, умоляла отпустить ее и в конце концов укусила его в щеку, но он все равно крепко держал ее за плечи.

Долго держал. Вдруг туман стал рассеиваться так же быстро, как и опустился. И пение тут же умолкло. Рони будто очнулась от глубокого сна. Она увидела тропинку, которая вела домой, и красное солнце, заходящее за гору. И Бирка. Он стоял совсем рядом.

– Я же тебе велела держаться на расстоянии этого ремешка, – сказала Рони и, заметив кровь на его щеке, спросила: – Тебя что, лисица тяпнула, да?

Он не ответил, смотал ремешок и протянул ей.

– Спасибо. Теперь я сам найду дорогу в башню Борки.

Рони исподлобья уставилась на него. Но снова разозлиться не смогла, а почему, сама не знала.

– Ну и катись отсюда! – сказала она без злобы и убежала.

5

В этот вечер Рони сидела с отцом у горящего камина. И вдруг вспомнила, что ей хотелось расспросить его кое о чем.

– А что это за вещи, которые ты брал, ни у кого не спрашивая, как сказал Борка?

– Посмотри-ка, – сказал Маттис, указывая на раскаленные угли в очаге, – видишь рожицу? Похожа на Борку, правда? Черт бы его побрал!

Но Рони не обнаружила никакого Борки в раскаленных углях и упорно продолжала свое:

– Так что же ты брал без спросу?

Маттис ничего не ответил, но за него это сделал Лысый Пер:

– Очень многое!.. Хо-хо!.. Хи-хи!.. Да-да!.. Очень, очень многое! Пожалуй, кое-что я смогу вспомнить...

– Помалкивай! – зло оборвал его Маттис. – Не твое дело.

Все разбойники, кроме Лысого Пера, уже отправились спать, а Ловиса вышла во двор, чтобы запереть на ночь кур, овец и коз. Поэтому только Лысый Пер услышал, как Маттис объясняет дочери, что значит быть разбойником. Разбойник, мол, такой человек, который берет себе что хочет, ни у кого ничего не спрашивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.